

Его
принцесса

ЛИЗА БЕТТ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Лиза Бетт

Его принцесса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69852163

SelfPub; 2024

Аннотация

Он – холодный и неприступный хозяин огромного поместья, трагически потерявший любимую женщину. Она – дорогая игрушка, подарок, который ему вручили для развлечения на одну ночь. Мимолетная встреча – единственное, что их связывает, но есть одно «Но» Эта девушка – точная копия его погибшей жены...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	42
Глава 7	47
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Лиза Бетт

Его принцесса

Пролог

Чеканные шаги разрезают тишину ночного коридора старинного особняка. Я вздрагиваю, лежа на широкой постели, натягиваю одеяло до подбородка и начинаю отсчитывать секунды. Через три шага он дойдет до двери моей спальни, еще пять шагов ему понадобится, чтобы пересечь коридор и остановиться у двери своей. Потом короткий хлопок, и все закончится. Мой пульс начнет униматься, и я постараюсь уснуть, как делала это сотни раз прежде.

Три...

Облизываю губы, представляя высокий черный силуэт в темном смокинге.

Два...

Его рубашка расстегнута, на шее поблескивает золотая цепочка, едва выглядывающая из-за ворота.

Один...

Стук в дверь раздается так внезапно, что я поначалу не верю в его реальность.

– Войдите... – отзываюсь, машинально садясь на постели. Вглядываюсь в силуэт мужчины, выросший на пороге спаль-

ни.

Сеймур высок. Его рост всегда меня пугает, я кажусь себе просто крошечной рядом с ним. Но не только его рост привлекает внимание. Не смотря на тьму, царящую вокруг, я четко различаю разлет широких плеч, затянутых в классический костюм. Он всегда носит классику, он привык к смокингам, и иногда мне кажется, что он в ней родился.

– Разбудил? – его голос такой же равнодушный и холодный, как и взгляд черных глаз его обладателя. И если бы не тьма, заставляющая все органы чувств обостриться, я никогда не различила бы в нем нотки сожаления. А может, почувдилось...

– Нет, – отвечаю честно, выжидающе смотрю на хозяина особняка, который вопреки сложившейся привычке все-таки входит в мою спальню. Смотрю и сглатываю, понимая, что не была готова к такому сценарию.

Шелковая сорочка из тончайшего материала начинает неприятно тянуть, хотя прежде сидела свободно, и я протягиваю руку и цепляю с тумбы молочного цвета халат, чтобы набросить на плечи. Пальцы позорно дрожат. – Я не могла уснуть...

Говорю, чтобы сгладить эту неловкость. Я не знаю, о чем с ним говорить. Все время, когда мы находились рядом, он молчал, и я оставила попытки наладить диалог. Но внезапный визит в половине второго ночи заставляет пересмотреть приоритеты.

Сеймур закрывает за собой дверь и не спешит входить. Прислоняется к ней спиной, будто сомневается, стоит ли заходить дальше, чем делал прежде.

Я суетливо набрасываю шелковый халат и туго затягиваю пояс на талии, как будто это послужит надежной защитой от его пронизывающего взгляда.

И не смотря на темноту, царящую вокруг, я все равно ощущаю, как внимательно черные глаза скользят по мне, не упуская из виду ни единой черточки. Заправляю белокурую прядь за ухо, стараясь подавить волнение. Меня нервирует его взгляд. Он об этом знает.

Но все равно смотрит.

И не смотря на то, что прошла уже неделя, как я здесь, я так и не смогла привыкнуть к этой его привычке.

Тереблю ткань на бедре как школьница у доски. Чувствую себя так же неуютно. Замечаю в его руке початую бутылку Дениэлса, и нехорошее предчувствие закрадывается в душу.

Молчание тянется как жвачка, и я первая сдаюсь, потому что напряжение, сковавшее атмосферу вокруг, не дает сделать даже вдоха.

– Зачем вы здесь? – мой голос звучит слегка хрипло. Звучит жалко. И ответа на свой вопрос я так и не получаю, потому что Сеймур вдруг отклеивается от двери и с точностью вражеского корабля, захватившего порт, пересекает комнату, останавливаясь напротив меня. Встает рядом, почти вплотную, и я забываю о необходимости дышать, а мое

сердце – о необходимости биться. Моей щеки касаются горячие пальцы.

– Невыносимо видеть тебя, – произносит тихо. И его голос не просто пропитан болью. Он состоит из нее весь. Будто в этот момент я задеваю рваную рану на его сердце и заставляю его это произносить. А ведь я даже не пошевелилась ни разу. – Невыносимо видеть... Но я не могу не смотреть.

Его грубые пальцы невесомо касаются моей скулы, аккуратно вытягиваются к шее, задевая мочку уха с крошечной серьгой, и Сеймур обхватывает мое лицо ладонями. Бутылка со стуком ударяется об пол, но никто из нас не обращает на это внимания. Он полностью погружен в транс созерцания. А я утопаю в его подернутых дымкой горечи глазах

– Не могу не смотреть, ты тянешь, как магнит... – не договаривает. Сминает. Склоняется к моему рту, будто редкий деликатес пробует губы на вкус. Бережно касается нижней языком, подталкивает, подначивает покориться, поддаться, оттаять. Но я не могу этого сделать. Меня парализовало болью, пропитывающей каждое движение его губ. Каждый оттенок его реакций. – Но ты не она.

Отрезает, отклоняется, утыкается лбом в мой, а я ощущаю, как по моей щеке скатывается слеза. Сеймур как оголенный провод – все его нервы обнажены сейчас, и меня замыкает от его нежности. Ведет от его медлительности.

– Твои губы на вкус не такие... – надрывает кровоточащую рану сильнее, отстраняется и вновь изучает мой взор.

И я забываю, что в этом доме я лишь рабыня, ненужная игрушка, которая попала сюда, чтобы ублажать его хозяина. Забываю, что ненавижу его, забываю, что боюсь до дрожи, забываю, что не должна чувствовать то, что чувствую.

Наверно поэтому медленно произношу, не понимая, настолько фатальную ошибку совершаю.

– Так научи меня быть такой, как ты хочешь...

Сеймур едва уловимо вздрагивает, замечаю это по короткому замыканию его мышц под смокингом. По внезапно прояснившемуся взгляду. По легкому оттенку неверия в нем. Замечаю, и разум тут же туманится и перестает откликаться, потому что хозяин этого поместья и моей жизни снова приникает к моим губам теперь уже смелее. Грубее. Настойчивее. Приникает и заставляет забыть обо всем на свете.

И я совершаю вторую ошибку за этот вечер – отбрасываю все ненужные сомнения и отвечаю на его поцелуй.

Глава 1

Просыпаться не хочется, но кто-то назойливо трясет меня за плечо. Я отмахиваюсь, мысленно коря себя за то, что перепила накануне. Но холодный голос, который мне незнаком, заставляет кровь свернуться от страха. И я вспоминаю...

– Вставай, если не хочешь, чтобы тебя бросили на потеху охране.

Мои глаза распахиваются, и я понимаю, что это не сон.

Вчерашний вечер в клубе, коктейль от незнакомца, потом провал. Наверно от этого голова и раскалывается... Торопливо сажусь, понимаю, что я нахожусь в каком-то сарае, надо мной стоит полная женщина и грозно буравит взглядом.

– В-в-вы что меня похитили? – спрашиваю очевидную глупость. Никто не отвечает на мой вопрос.

– Вставай и иди за мной, – гаркает и разворачивается к выходу. Я торопливо поднимаюсь на ноги, отряхиваю солому, в которой видимо спала, и едва не падаю. Настолько ноги ослабевшие. Во рту сушит, тошнота гуляет где-то у горла, поэтому делаю глубокие вдохи и покорно иду за женщиной. Оглядываюсь.

Сарай оказывается больше, чем я представляла. Повсюду клетки, как в цирке, но у меня складывается ощущение, что тут держат далеко не животных. По коже ползут мурашки страха. Мне хочется сбежать, но стоит нам выйти из сарая, я

вижу вооруженного охранника, и внутри все будто судорогой сводит.

Охранник глазеет на меня, страшно становится от его взора. К нему подходит его коллега, и они начинают о чем-то разговаривать. Отворачиваюсь и иду дальше, стараясь поспевать за женщиной. Та идет в сторону дверей, ведущих в огромное здание из старинного кирпича, напоминающее особняк. Оборачивается, чтобы убедиться, что я не отстаю. Я шагаю за ней и параллельно пытаюсь запомнить обстановку, чтобы потом описать это место в полиции.

Двор, по которому мы идем, окружен высоким каменным забором. В его центре стоят клетки, в одной из них я замечаю мужчину...

По коже пробегают мурашки, я не верю, что вижу это в реальности. Сейчас окружающая обстановка больше похожа на дурной сон, который хочется поскорее забыть. Но сначала надо проснуться...

Я, что есть силы, сжимаю кулаки, и ногти впиваются в ладони. Мне больно, на коже остаются ямки, но я как и ожидалось не просыпаюсь. Воровато стреляю глазами, замечая несколько камер на здании. Проходим мимо очередной группы вооруженных мужчин, отворачиваюсь, когда они замечают меня. Чувствую себя куском свежего мяса среди стаи волков.

Ежусь.

– Шагай! – моя конвоирша открывает дверь, ведущую в

особняк, и я после секундной задержки вхожу.

Коридор, в котором я оказываюсь, простирается на много метров вперед. По обе стороны от него простенькие двери, часть из них открыта.

Вздрагиваю, когда входная дверь ударяется о косяк. Меня грубо подталкивают в спину, чтобы не стояла, как истукан, и я делаю несколько шагов вперед на автомате.

– Пошла! – она с отвращением цедит, и я хмурюсь и обернувшись пришибаю ее взглядом. Она к такому не привыкла, и моя вспышка своенравия явно ей не по душе, потому что не раздумывая ни секунды она размахивается и ударяет меня по щеке.

Острая боль пронзает скулу и щеку. Я ошарашенная хватаюсь за место удара и съеживаюсь.

Меня не били ни разу в жизни. Никто и никогда. Такое не позволяли себе даже мои родители, когда были живы. Даже дядя, как бы ему не было трудно со мной, никогда не позволял себе такого.

– Шагай, что встала!?! – орет, и я движимая инстинктом самосохранения перебираю ногами. Подходим к одной из закрытых дверей.

Полная женщина ударяет костяшками по дверному полотну дважды, и оттуда доносится голос.

– Войдите!

Моя спутница кивает на дверь, давая понять, что со мной не пойдет. Я, преодолевая страх, берусь за ручку. Миллион

мыслей роится в голове, сердце стучит в районе глотки, тугой узел в желудке лишь каменеет. Толкаю дверь и застываю на пороге, боясь пошевелиться.

Эта комната напоминает кабинет гинеколога, принимающего в домашних условиях. Никакой стерильности и чистоты. Заляпанный грязью пол, обшарпанные стены, какая-то потрепанная кушетка и самое страшное – гинекологическое кресло, простоявшее тут наверно два века.

В центре комнаты стоит женщина, едва ли более милая, чем та, что ударила меня секунду назад.

– Поживее! – она рывкает, натягивая резиновые перчатки. Ее тон не сулит ничего хорошего, но я боюсь даже сдвинуться, настолько напугана увиденным. Гинекологическое кресло вгоняет меня в ступор. – С новенькими так трудно!

Подходит ко мне и заволакивает меня в кабинет за руку. Я трясусь, как лист на ветру. От страха на голове встают волосы. Что она собралась делать? Зачем? Куда я вообще попала?

– Снимай штаны и полезай на кресло! – произносит повелительно, и я машинально мотаю головой, даже не успев обдумать инстинктивную реакцию. – Если не захочешь подчиняться, я вызову охрану, и они тобой займутся.

От ее слов меня бросает в пот. Я уже видела охранников, и мне вовсе не хочется, чтобы они мной занялись. Неуверенно тянусь к поясу джинсов и робко расстегиваю. Дрожащие пальцы не шевелятся, и я не с первого раза справляюсь с ширинкой. Пульс от страха беснуется, сердце кажется пробьет

дыру в груди, когда я снимаю с себя джинсы и трусы. Дома я регулярно проходила осмотр у гинеколога, с тех пор как мне исполнилось пятнадцать, но сейчас до безумия боюсь. Занимаю место в кресле, спина прямая как палка.

– Ноги забрасывай! – женщина скрипит грубым тоном, и я заставляю себя подчиниться. Напряженно застываю, вздрагиваю когда она ледяными руками касается моего бедра. – Целка что ли?

Я напряженно киваю, и она ошарашенно останавливается. Растерянно моргает. Хмурится. Аккуратно, будто это не она только что грубила и кричала, осматривает меня и удивленно подытоживает.

– И правда... – И тут же бросает задумчиво. – Одевайся. Дважды меня просить не приходится. Я быстро натягиваю трусы и джинсы, пока за женщиной закрывается дверь. Я остаюсь в кабинете одна.

Единственное окно, выходящее из кабинета ведет во двор к охране и я отбрасываю надежду сбежать из этого ада, и понимаю, что любая попытка может стать последней. Хочется разрыдаться, но я сдерживаюсь.

В комнату заваливается моя конвоирша и удивленно на меня пялится.

– Почему, такая как ты все еще девственница? – спрашивает недоуменно. Я смотрю на нее волком, ожидая, что она вновь захочет распустить руки. Готовлюсь отступить. – Разве у нынешней молодежи не принято прыгать по койкам на-

лево и направо?

Не отвечаю ей, хотя она и искренне не понимает, как так произошло. Уже через секунду дверь этого грязного кабинета вновь отворяется и на пороге появляется доктор. Толстуха к ней оборачивается.

– Он сейчас подойдет... – они говорят о чем-то своем, и я не понимаю, кого они упоминают. Стою в углу комнаты, настороженно глядя на двух женщин, боюсь пошевелиться. Боюсь дышать.

Дверь кабинета распахивается, сюда входят несколько охранников, рассредоточиваясь по периметру, я втягиваю голову в плечи, обхватываю себя руками, ничего не соображая от страха. Воцаряется полная тишина, которая длится несколько секунд. Её нарушает лишь звук переключиваемого из рук в руки оружия и щелканье затворов. А потом на пороге появляется он.

Это их вожак, их главарь. Это я понимаю без пояснений. Высокий, статный, широкоплечий. У него длинные вьющиеся волосы, которые сейчас зачесаны назад. Черные брови, темные глаза, длинный острый нос, напоминающий клюв хищной птицы. Черная рубашка расстегнута на его широкой груди, в вырезе виднеется толстенная цепь из золота с висящим на ней крестом. Темные брюки в тон рубашке увенчаны дорогим ремнем из крокодиловой кожи. Он подходит, идеально вписываясь в его слегка цыганский образ, как тут и был. Ансамбль завершают такие же туфли в тон ремню.

У мужчины абсолютно нет вкуса и кричащие о дороговизне вещи это подчеркивают.

Этот мужчина останавливается на пороге и все в комнате замирают. Они буквально робеют при его появлении. Их подбородки прижимаются книзу, плечи ссутуливаются. Взгляды присутствующих оставляют меня в покое и обращаются в пол. И только одни глаза теперь от меня не отрываются. Черный, как душа маньяка, что заправляет здесь всем, взор впивается в меня, и мужчина подходит ближе.

Каждый его шаг заставляет меня глубже втягивать голову в плечи, отчего шею сводит. До боли сжимаю пальцы на плечах, подавляю явное желание отступить. Смотрю на него, не отрываясь.

– Поразительно... – его голос такой же кричащий как туфли. Так же манерно звучит, оставляя такое же неприятное впечатление. – Прост поразительно!

Он восклицает и резко оборачивается к толстухе, что меня сюда привела.

– Ты видишь? Тася, взгляни! Только посмотри!

Толстуха покорно подчиняется, обращает все свое внимание на меня, будто видит впервые и начинает пристально изучать, искренне не понимаю, на что же надо обратить внимание.

– Б-б-блондинка с голубыми глазами? – предполагает очевидное. Надеется, что ее босса именно это впечатлило. Но оказывается не права.

– Она же просто ее копия! – мужчина всплескивает руками и вновь оборачивается ко мне недовольный тупостью прислуги. Подходит, протягивает длинные пальцы, украшенные перстнями, к моему лицу и отводит прядь волос, застлавшую щеку. Я вздрагиваю, отшатываюсь, барин хмурится, заметив синяк на пульсирующей скуле. – Кто это сделал?

Гаркает, я машинально бросаю взор на толстуху и обратно на этого маньяка. Он понимает без слов.

– Подойди...

Ни единая душа не сдвигается с места, но толстуха неохотно оживает и делает пару шагов к нам.

Этот самодур поворачивается и смачно ударяет ее по щеке наотмашь. Она хватается на эту часть лица, но покорно сносит вспышку его ярости.

– Не смей больше распускать руки! Ты едва не испортила экземпляр! – рявкает на женщину истерично.

Я должна бы испытывать удовлетворение, но от его истеричности впадаю в еще большую панику.

– Дитя, – обращается ко мне, делая голос приторным. Неприятно мерзким. Звучащим слаще патоки. – Поздравляю тебя с прибытием в клан Орсини. В нашей фамилии тебе понравится...

Он чем-то напоминает вампира из нашумевших фильмов. Такой же манерно напыщенный самодур, который привык царствовать в своем мире.

– Карин, распорядись, чтобы ей приготовили лучшие по-

кои для гостей. Позаботьтесь о девочке! – обращается к доктору, которая тут же кивает, почтенно опустив голову. Потом обращается ко мне. – Как тебя зовут дитя?

– Лилия, – отвечаю затравленно.

– Лилия – тянет, смакуя. Будто пробует на язык каждую букву, и ему нравится послевкусие. – Невинная... Ты стала благословением Божьим для всех нас, дорогая... Скоро благодаря тебе наша фамилия расширит свои владения.

Говорит мне, но ощущение, что разговаривает сам с собой. Я никак не реагирую на его слова, лишь напряженно ожидаю, что же будет дальше.

– Сколько тебе лет, дитя?

Меня пугает, что он обращается ко мне так. Да, я невысока ростом и очень худа. Но ребенком меня можно назвать с натяжкой.

– Двадцать, – отзываюсь глухо.

– Прекрасно! – его мой ответ удовлетворяет, и самодур довольно оборачивается к подчиненным. – Господа! Запомните этот день! Сегодня сам Ангел Господин снизошел с небес. – Напыщенно распахивает руки и вскидывает их вверх. Все замирают в благоговении. Я окидываю взглядом присутствующих и сомневаюсь, а не попала ли я в дурку. – Позаботьтесь о ней. Пусть у нашей гостьи будет все необходимое. Она не должна ни в чем нуждаться.

Присутствующие кивают, я понимаю, что схожу с ума. Самодур оборачивается ко мне, и я вздрагиваю, когда он бе-

режно подхватывает мою руку и укладывает на сгиб своего локтя.

– Дорогая моя, тебе несказанно повезло. Скоро ты станешь нареченной моего дорогого брата. Станешь невестой клана Орсини. И ты родишь ему наследника, и продолжишь наш род!

И на этом моменте я не выдерживаю, пошатываюсь, и начинаю проваливаться в темноту.

Глава 2

Второе мое пробуждение происходит иначе. Медленно открываю глаза, первым делом оглядываюсь. Рядом ни единой души, и это радует даже сильнее, чем шикарная обстановка вокруг.

Нет ни полной конвоирши ни докторши, ни охраны. Сажусь на огромной постели, мягкая кровать прогибается под мной. Она такая удобная, будто сделана специально для царей. Замечаю, что на мне надет белый пеньюар и такая же сорочка.

Так, стоп! А где мои вещи?

Оглядываю комнату в надежде их отыскать, но простых джинсов и кремовой футболки нигде не видно. Неприятная горечь травит нехорошим предчувствием. Я стараюсь не впасть в панику, переключаю внимание на комнату.

Обстановка вокруг поражает.

Эта спальня явно сконструирована, чтобы принадлежать хозяевам дома или дорогим гостям. Она так разительно отличается от тех помещений, что я видела, что мне кажется, я попала в другой особняк.

Огромные окна до самого потолка увенчаны дорогими розовыми портьерами. Потолки тут выше, чем в тех помещениях, где работала прислуга, поэтому пространство кажется каким-то царским. Нежно-кремовые стены оттеняют цвет

штор и ковра в тон, мебель с розовыми узорами в стиле рококо идеально вписывается в обстановку. Я ощущаю себя принцессой из девятнадцатого века.

Спускаю ноги с кровати, подхожу к окну. Перед моим взором простирается шикарный ухоженный сад с разбитыми в нем розовыми клумбами и прочей растительностью. Дорожки из камня витиевато петляют между кустами кизильника и туями. Вдоль дорожек работники суетливо расставляют резные лавочки. Мой взгляд натывается на конвоиршу сейчас стоящую в саду. Она руководит прислугой, и я с налетом страха наблюдаю за ее властными движениями. А потом мое внимание привлекает другая персона.

Стройная брюнетка с темными, почти черными волосами подходит к конвоирше и они о чем-то разговаривают. Их диалог нельзя назвать дружеским, лица девушки я не вижу, но судя по недовольной мине толстухи, они явно не подруги.

Брюнетка держится чуть свысока, ее плечи расправлены, голова гордо поднята. У меня складывается ощущение, что она хозяйка этого дома. Тогда почему же толстуха так пренебрежительно общается с ней, будто сквозь зубы?

Парочка исчезает из виду, и я отхожу от окна и замечаю резную дверь за розовой ширмой. Открываю ее, перед моим взором предстает шикарная ванная с утопленной в пол джакузи. Я все отдала бы за то, чтобы помыться сейчас, но делать это не стану не при каких обстоятельствах.

Обстановка вокруг хоть и располагает расслабиться, я

прекрасно понимаю, что все еще нахожусь под стражей того самодура. Только меня перевели из помещений с грязными заляпанными полами в помещения более презентабельные. Но от этого мой статус не изменился. Меня все еще удерживают силой. И подтверждением этого служит запертая входная дверь, которую я пытаюсь в этот момент открыть.

В отчаянье застываю, глядя на дверное полотно и подавляю желание пнуть его ногой. Возвращаюсь к кровати, едва успею присесть на край, как слышу щелчок ключа в замке. Потом дверь отворяется, и на пороге возникает та самая стройная брюнетка. Я вскакиваю, инстинкт самосохранения заставляет меня отступить к дальней стене и замереть.

– Кто вы? – не отрываю взгляда от девушки. Напряженно смотрю, как она приближается. Она изучает на меня спокойно и уверенно. Ни капли ненависти и злости, которая пропитывала взоры толстухи и докторши. Только нотки легкого любопытства и интереса.

– Я тебя не обижу, присядь... – примирительно произносит, и ее ровный тон напрягает сильнее, чем ненависть тех особ. Но я уже уяснила, за неподчинение можно очень сильно пострадать, поэтому покорно подхожу к краю кровати и опускаюсь на него. Скрещиваю руки на груди. Она опускается на противоположный угол изножья кровати. – Меня зовут Мира. Я пришла, чтобы удостовериться, что с тобой обращаются хорошо.

Я смотрю на нее волком. До сих пор не укладывается в

голове, что это происходит со мной наяву.

– Как тебя зовут? – она спрашивает, и я натянуто отвечаю.

– Лилия...

– Как ты попала сюда, Лилия?

Её вопросы сбивают с толку. Если она хозяйка дома, то явно должна знать, как я попала сюда. Она либо недоговаривает, либо на самом деле не в курсе.

– Меня похитили из ночного клуба, – напряженно тру лоб, пытаюсь припомнить детали. – Мы с подругой пошли туда отметить окончание семестра. И какие-то мужчины опоили и силой усадили меня в свой внедорожник...

Воцаряется тишина. Мира молчит, задумчиво хмурится.

– Здесь все не так плохо, как могло бы быть, – после короткой паузы она заговаривает. – Тебе повезло, что ты девственница. Завтра в этот дом приедет важный гость. Тебя готовят для него.

Мои глаза округляются, мне не верится, что это реальность. Я что, какая-то вещь, рабыня? Что за бред? Как можно вот так просто взять и похитить человека, а потом распоряжаться его судьбой, не моргнув глазом?

– Если ты сумеешь понравиться ему, он заберет тебя с собой, и ты сможешь сбежать из этого ада, – последнее слово брюнетки повисает в воздухе, и я не могу подавить удивления от этой фразы. Она на самом деле назвала место, в котором живет, адом?

– У тебя кто-то есть? Там на родине? Родители, друзья? –

продолжает вести диалог спокойно, будто ничего из ряда вон не произошло.

– Да, – я киваю, с тревогой вспоминая, что сейчас мои близкие наверняка с ума сходят, ища меня. А что будет с дядей, когда он поймет, что я не у подружки сейчас нахожусь? – Дядя.

– Ты должна быть сильной ради него, понимаешь?

Киваю, понимая ее правоту.

– Если ты будешь делать все, что от тебя требуют, ты увидишь его снова. Но нужно быть терпеливой. Это может произойти не завтра и даже не через год, понимаешь?

Её слова подтверждают мои опасения, но я все равно киваю.

– Ты знаешь, что происходит в постели между мужчиной и женщиной? – спрашивает меня как будто я маленькая девочка, которая спросила у мамы, откуда берутся дети. Я напряженно отвечаю.

– Да.

– Хорошо. Завтра ты должна быть покорной и терпеливой. Я не знаю, хороший ли любовник тот мужчина, которому тебя прочат, но полагаю да. О нем ходит дурная слава ловеласа, а значит, он как минимум знает, что делать с девушкой, и как сделать ее первый раз менее болезненным.

Мои глаза расширяются, и я понимаю, что это не злая шутка, а реальность. Завтра меня как проститутку отдадут какому-то мужчине.

– Моя комната недалеко отсюда. – Она переключается с темы на тему так внезапно, будто после рекламного ролика начался триллер. – Я сплю в хозяйской спальне. И если тебе что-то понадобится, обратись к любой горничной и попроси, чтобы отвели тебя к Мирославе. Они меня найдут.

Значит, она все-таки хозяйка. Хмурюсь. Моя гостья поднимается с кровати и шагает к двери. И я нетерпеливо отмираю и окликаю ее. Она оборачивается.

– Сколько времени вы тут? – спрашиваю взволнованно. Она опускает задумчивый взгляд.

– Почти два года, дорогая, – отвечает и покидает мою комнату, а я лишь смотрю ей вслед и не могу отделаться от мысли, что она только что солгала мне.

Глава 3

Утро следующего дня – настоящий ад. С семи часов ко мне в комнату как к себе домой заходят горничные, посыльные, стилисты. Горы платьев, туфель, аксессуаров – некуда яблоку упасть. Около окна образовался столик для маникюра и педикюра, меня сонную и ничего не понимающую усадили в кресло и принялись колдовать над внешностью.

Эта сцена могла бы стать мечтой любой девушки, если бы ни одно «Но». Меня готовили на убой для какого-то толстосума, которого я никогда не в глаза не видела. Меня готовили как товар, как вещь, как конфету оборачивали в красивую упаковку. И я впадала в еще большую истерику благодаря такому размаху.

Всю ночь мне не спалось, я ворочалась с боку на бок, только под утро смогла забыться беспокойным сном. И его прервала эта толпа людей.

– Вот этот кремовый с холодным подтоном...

– Нет, ей больше пойдет персик, бери его!

– Персик? Ты шутишь? – стилисты спорят так, будто меня тут и вовсе нет. Они наперебой тащат бутылочки с лаком, суетливо подбирая цвет. – Хотя да, холод будет бледнить ее.

– Вот это цвета расплавленной стали?

– Нет, убери, ей больше подойдет золотистое.

Голова шла кругом, я едва успевала выхватывать взгляда-

ми все варианты, которые они обсуждали.

В покое меня оставили только во второй половине дня. Как только за последним стилистом закрылась дверь, я устало плюхнулась на край кровати и уставилась в пол.

Ощущение было такое, что на меня налетел и подхватил огромный смерч, который только сейчас оставил меня в покое.

Мне казалось, что я попала в какую-то дешевую передачку по ТВ с преобразованием.

И если бы дело было только в макияже, я не паниковала бы так, но стилисты и косметологи подготовили и мое тело, полностью удалив с него все волоски. Они обработали каждый сантиметр моей кожи скрабами и натерли кремом, отчего я еще сильнее напоминаю себе конфету. И пахну так же... Осталось только сменить белый шелковый халат на блестящую обертку, лежащую сейчас на кровати, и дело сделано.

Обертка, кстати и правда притягивала взгляд. Платье из прозрачных как слеза камешков, усеявших тонкую бежевую сетчатую ткань, точно сделает меня центром всеобщего внимания. Я никогда бы не надела ничего подобного – от такого количества камней слепнут глаза, особенно их яркость заметна в лучах полуденного солнца, сейчас наполнявших комнату. Отворачиваюсь от платья и ловлю свое отражение в зеркале туалетного столика. И замираю.

Медленно встаю с места, подхожу ближе и не узнаю себя. Мои волосы и без того светлые засверкали теплыми кара-

мельными бликами – стилист постарался подчеркнуть ими цвет моей кожи и глаз, получилось невероятно. Пряди уложили легкими небрежными волнами, которые смягчили черты моего лица и нежно его обрамили.

Брови, вполне себе обычные, теперь оформили по новому, взгляд стал более открытым и подчеркнутым.

Легкий налет макияжа делал мои глаза ярче, а мешки под ними не такими заметными, все-таки бессонная ночь сказывалась. Мое лицо не казалось выкрашенной маской с обилием штукатурки. Оно сияло. И это сияние сохранялось даже не смотря на грусть в прозрачных голубых глазах. Глазах моей бабушки, моего отца и моего дяди... Светло голубые почти серые глаза – наша фамильная черта, и я с тоской смагиваю с них влагу и отворачиваюсь к окну.

Мой дядя наверняка поднял на уши всю охрану, всех знакомых в правительстве страны и за ее пределами. Вот только в этой дыре он никогда меня не найдет...

Подхожу к окну и встаю напротив, глядя как садовники вычесывают каждый сантиметр аккуратно выстриженного газона перед приходом гостей.

Сегодня в доме намечается крупный прием, так я поняла из разговоров прислуги. Прием по случаю визита званого гостя. Того самого мужчины, ко встрече с которым меня так подготовили.

Поразительно, как порой складывается судьба. Я берегла свою девственность для мужа, которого подобрал бы мне дя-

дя. Я стала бы верной женой и хорошей матерью своих детей. Так меня учили с детства. Этой мой долг.

Но вот я стою в розовой спальне огромного особняка, принадлежащего какому-то больному самодуру, который занимается торговлей живым товаром, и пытаюсь смириться с тем, что он использует меня как проститутку, подарив какому-то своему родственнику для постельных утех.

Думала ли я, что моя невинная ложь обернется так? Конечно нет. Когда я отпрашивалась у дяди поехать на неделю в гости к своей однокласснице, я и подумать не могла, что все может сложиться так. Наш вполне невинный поход в клуб, выпивка из рук незнакомца, которого я приняла за официанта, а дальше этот кошмар...

Отчаянье топит, ненавижу себя за эту глупую беспечность! Отхожу от окна и, забравшись на кровать с ногами, ложусь в позу эмбриона.

Первые слезы скатываются по щекам, а потом как рухнувшая плотина их сменяют другие, и я теряю счет времени. И постепенно, сама не замечая, как отдаюсь этому спасительному забытию, которое маячит иллюзией, что все происходящее лишь дурной сон. И ухватившись за эту ложь, я проваливаюсь в темноту, где мне самое место.

Глава 4

Просыпаюсь от стука в дверь. Не сразу понимаю, где я и кто стучит. Открываю глаза, растерянно смотрю на обстановку вокруг.

– Входите, – отзываюсь, и тут же в памяти как калейдоскоп кошмаров всплывают воспоминания о прошедших двух днях.

В дверях появляется горничная с подносом.

– Я принесла вам ужин, вы сегодня с утра ничего не ели, – она пожалуй единственная, кто обращается ко мне как к человеку, а не как к скаковой кобыле, которую продадут на торгах. – Поешьте и одевайтесь, прием скоро начнется.

Я смотрю на стоящие на подносе блюда и к горлу подступает тошнота.

– Я не хочу есть, спасибо... – говорю машинально, понимаю, что и крошки в рот не возьму в доме этого самодура. – Вы не могли бы позвать ко мне Мирославу?

Горничная кивает и удаляется, а я торопливо снимаю шелковый халат и подцепляю с постели платье. Расстегиваю замок, опускаю вещь на пол и переступаю через края, оказавшись в лужице из прозрачных бриллиантиков. Тяну ткань вверх за бретельки. Платье второй кожей ложится по фигуре, и я едва успеваю справиться с застежкой на спине, как слышу гудки машин.

Подбегаю к окну, глупая надежда, что дядя меня все-таки нашел, сменяется очередной волной отчаянья, я понимаю, что это не полиция и правоохранители, а всего лишь черные тонированные машины гостей, прибывающих на прием.

Кортеж из машин останавливается и двери распахиваются. Из той, что по центру выходит мужчина.

Мое сердце замирает, я внимательно вглядываюсь в густой сумрак вечера, не отрывая взгляда от огромной мужской фигуры. С третьего этажа все люди кажутся крошечными, но этот даже с такого расстояния огромен. Высок. Широко в плечах. Опасен.

Его уверенность передается даже сквозь тьму и расстояние нас разделяющее.

Незнакомец расправляет плечи, хлопает дверью темной машины и его тут же окружают несколько охранников из соседних машин картежа. Они делают это технично и слаженно, как наверняка делали сотни раз до этого.

Мысленно я молюсь, чтобы это был просто один из приглашенных, но сердце подсказывает, что это не простой гость.

Сквозь приоткрытое окно я слышу голоса, и до меня доносятся обрывки фраз.

– Сеймур, охрана готова – один из мужчин в форме рапортует высокому, и я давлюсь вдохом, понимая, что не ошиблась.

Стук в дверь раздается так внезапно, что я вздрагиваю. И

тут же вижу Миру, взволнованно входящую в комнату. И не могу сдержать слез.

Бросаюсь к ней, подавленно падаю у ее ног и цепляюсь за подол ее длинного платья.

– Пожалуйста, не заставляйте меня! Я не смогу! Он просто огромный, он же разорвет меня на части! – Истерика с новой силой накрывает, хотя я и пытаюсь держать себя в руках, удается слабо. Мира тянет меня за плечи, вынуждая встать, и отводит к кровати, помогая усесться на нее. Я не могу подавить всхлипы. – Я все сделаю, что только попросите, но прошу не заставляйте меня лечь под него!

– Под Сеймура? – она спрашивает, будто не понимает, о ком речь. Я указываю на окно, все еще надеясь, что Мира подойдет к нему, рассмеется и скажет, что я все не так поняла. Но она лишь хмурится и вздыхает.

– Если ты будешь послушной, он не причинит тебе боли, – поворачивается ко мне и делает голос мягче. – Да Сеймур крепкий мужчина, но я ни разу не слышала о его жестокости. Если бы он был таким, слухи обязательно дошли бы до нашей фамилии.

Мира подходит к кровати и опускается на нее рядом со мной. Берет меня за руку. Мои ледяные пальцы дрожат в ее теплой ладони.

– Не бойся его. Просто представь, что это происходит не с тобой.

– Я не смогу, – мотаю головой, понимаю, что все советы

сейчас просто смехотворны. Они кажутся мелкими стрелами, летящими в каменную стену, и отскакивающими от нее как брызги. – Я не могу.

– Так, послушай меня! – Она настойчиво обхватывает мои плечи, заставляя посмотреть в ее красивые решительные глаза. – Тебе надо привести себя в порядок и идти к гостям. И улыбаться. Понимаешь? Никому не интересно, что у тебя в душе в этот момент. Ты можешь продолжать плакать и злить Германа, который итак на волоске от того, чтобы кого-нибудь убить. А можешь сыграть свою роль и обернуть все себе на пользу.

– Но как? – я искренне не понимаю, как мне справиться с истерикой.

– Понравься Сеймуру. Сделай так, чтобы он забрал тебя с собой.

Я теряю дар речи. В прямом смысле открываю и закрываю рот как рыба, выброшенная из воды.

– Как только он уедет и увезет тебя, дождись подходящего момента и беги. А если же ты останешься тут, никогда уже не получишь такого шанса, поверь мне.

До меня наконец доходит вся серьезность происходящего, и теперь я кажется услышала суть того, что говорит мне Мира. Если Сеймур не такой больной на голову самодур, как хозяин этого поместья, возможно от него мне удастся сбежать. А ведь она права. Права!

– Мне пора, Герман хватится меня, – Мира торопливо

поднимается с места и идет к дверям. Но у самого выхода медлит. – Твоя судьба в твоих руках, Лилия. Не упусти свой шанс.

И как только за ней закрывается дверь, я будто человек, выпавший из гипнотического сна, подскакиваю с постели и иду к туалетному столику.

Открываю палетки теней и решительно оглядываю свое отражение в зеркале.

Понравиться Сеймуру.

Сделать всё, чтобы он забрал меня отсюда.

Попытаться сбежать от него.

Этот план так прост и гениален, что поначалу кажется абсурдом.

То, что я до одури напугана, можно опустить. И тот факт, что я могу не понравиться гостю тоже. Ни к чему сейчас вновь впадать в панику.

Моя рука уверенно цепляет ватный диск, и я подношу его к следам растекшейся по лицу туши. Стираю.

Понравиться.

Сбежать.

Понравиться.

Сбежать.

Повторяю это как мантру.

Я сделаю все, чтобы этот план осуществился.

Глава 5

Время тянется как жвачка. Я напряженно смотрю на дверь и спустя примерно полчаса, на пороге появляется Мира. Она взволнована и напряжена.

– Идем... – натянуто приглашает меня, и я подчиняюсь.

Я уже исправила потекший макияж, привела в порядок свой вид и теперь мне не стыдно показаться на публике. Мира это отмечает, и я вижу в ее взгляде удовлетворение.

Мы спускается по лестнице на первый этаж. Тут шумно, число гостей исчисляется несколькими десятками, и я только теперь понимаю размах этого приема. И понимаю, что у этого самодура оказывается гораздо больше друзей, которые очевидно поощряют его занятие.

Цепляюсь за руку Миры, стараясь не отставать. Она ведет меня сквозь толпу к ответвлению – маленькому коридору, в стене которого две высоченные в потолок двери. Остановившись у них, она поворачивается ко мне и наклоняется, чтобы произнести на ухо.

– Думай о дядюшке, и все будет хорошо.

И от ее слов меня вновь топит до краев. Я пытаюсь сглотнуть ком в горле, но не получается. Мира толкает высокую дверь и встает на пороге. Я понимаю, что мир поплыл, но стоически смаргиваю слезы, вскидываю глаза к потолку.

Но Мирослава не дает мне справиться с собой и взяв за

руку затягивает в кабинет. Мы замираем на пороге.

Я слышу голос того самого самодура, что вчера обещал мне райскую жизнь в этом аду, и сглатываю вязкий ком в горле, полная решимости придерживаться плана.

– Ты пришел ко мне с подарком, дорогой брат, и я в долгу не останусь, – самодур великодушно улыбается, ведя рукой в сторону, как бы демонстрируя свой дар. Я замираю на пороге, понимая, что сейчас взгляды всех присутствующих обращены ко мне, прижимаю подбородок к груди, только бы никто не увидел скатившуюся по лицу слезинку страха. – Можешь забрать ее с собой.

Воцаряется тишина. Я чувствую как крепко сжимает мои пальцы Мира, и покорно поднимаю голову, как человек, идущий на гильотину.

– Которая? – густой твердый бас заставляет мои нервы затрепетать от страха. Он такой тяжелый и давящий, пришибает как каменной плитой своим тоном.

– Блондинка, – раздраженно поясняет самодур. И я ощущаю, как мое лицо начинает гореть. Кожа покрывается мурашками, воздух будто наэлектризовывается и начинает потрескивать. Слышу шорох, и понимаю, что Сеймур с ловкостью и грацией хищника поднимается с кресла и в два шага пересекает кабинет.

И не выдерживаю.

Поднимаю взгляд в тот момент, когда он оказывается прямо надо мной.

Вблизи он гораздо крупнее и опаснее, чем показался сперва. Высокий – почти на полторы головы меня выше. Крепкий – его смокинг едва не лопаются на широких плечах, заслонивших сейчас свет абажуров как грозовая туча. Пугающий – нагло вторгается в мое личное пространство и давит своей аурой. От него веет горячим и сухим жаром как от солнца. Он будто огонь, пылающий в очаге. Его едва удастся подчинить, кажется что он сейчас же поглотит всю окружающую обстановку и превратит в пепел. И я, как бабочка, подлетевшая слишком близко, ощущаю, как мои крылышки сворачиваются под его натиском, и я теряю высоту. Падаю. Падаю куда-то сквозь землю, хотя и продолжаю стоять и не двигаться рядом с ним.

В легких будто иглы рассыпали, я не могу вдохнуть, становится больно от недостатка кислорода. Делаю маленький его глоток, только бы не упасть в обморок, и меня наполняет терпкий аромат мужского одеколona. Крепкий, как выдержанный виски. Свежий, как океанский шторм. Пряный, как дурманящие травы, собранные старым колдуном.

Эта смесь кружит голову, но еще сильнее кружит голову его близость.

Сердце заходится в ритме, который резко обрывается, когда Сеймур грубо цепляет мой подбородок, заставляя запрокинуть голову назад. И взглянуть в его лицо.

Его пальцы горячие и властные. Взгляд прямой и изучающий. Бесстрастный. Пустой и холодный.

Его глаза чернее порочной ночи, темные брови хмуро сходятся у переносицы, когда он изучает меня в упор. В меру полные губы склеиваются в пренебрежительную полоску, он недоволен.

Мой план проваливается. Я ему не нравлюсь. Что же делать? Что делать?

От волнения облизываю губу и внутренне сжимаюсь. И меня будто громом поражает, когда замечаю в глубине пустых глаз всполох чего-то пугающего и притягательного одновременно.

Сеймур раздраженно скалит верхнюю губу как опасный хищник, обнажая ряд белых зубов, и медленно выдает.

– Жаль.

А потом разворачивается и уходит обратно к креслу.

И я обмираю и едва не падаю от облегчения, когда он отходит, а я все еще остаюсь жива. Еще секунду назад мне казалось, что я умру прямо здесь. Не выдержу нервного напряжения и упаду к его ногам без чувств.

– Присядьте, выпейте с нами, – будто из под толщи воды до меня доходит голос самодура. Мира тянет меня к диванам, которые расположены по центру кабинета, и я на нетвердых ногах шагаю за ней.

Мы опускаемся на мягкие сиденья, и я с благодарностью сжимаю руку своей спутницы. Если бы не Мира, я давно бы грохнулась в обморок от страха.

Я никогда не считала себя слабой, но сегодня слишком

много потрясений для одного дня.

К нам подходит хозяин поместья, он протягивает два бокала на тонкой ножке. Один мне, второй Мире. Самодур занимает место в одном из кресел, стоящих торцом к нашему дивану и салютует брату, произнося тост.

– За прекрасный пол! Они никогда не дадут нам забыть о наших слабостях, – подчеркнутая вежливость дает понять, что за простой фразой скрывается гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд.

Мужчины несколько секунд ведут молчаливую дуэль, которая нагнетает атмосферу, делая ее еще более густой и давящей. А потом все-таки прикладываются к своим стаканам, и я и я вопреки твердому нежеланию брать еду и напитки из рук обитателей особняка, осушаю свою порцию, потому что в горле пересохло. Неприятное послевкусие заставляет меня закашляться. На языке сушит, будто я съела ложку пищевой соды.

Мира вскакивает на ноги и приносит мне стакан воды, и я с благодарностью принимаю его из ее рук и выпиваю.

– У Мирославы прекрасный голос, спой нам! – самодур вновь демонстрирует всем присутствующим свою поехавшую крышу, но никто не спешит обращать это в шутку. Мира напряженно улыбается и покорно начинает петь. А я с отращением поражаюсь, что самодур имеет огромное влияние на всех, кто сейчас в этом особняке. На всех, кроме брата, очевидно.

Сеймур расслабленно развалился в кресле, он бесстрастно слушает Миру, изучает ее из под опущенных ресниц, и я понимаю, что *ее* он гораздо охотнее увел бы прочь отсюда. Эта мысль и радует и огорчает одновременно. Если я не найду способ понравиться ему, он просто использует меня и оставит здесь. А после хозяин поместья отдаст меня на потеху охране как обещала моя конвоирша. А может быть сразу прикончит. И мой дядя так и не узнает, где его наследница проживала последние минуты своей жизни.

– Спасибо, милая, – самодур радушно улыбается и кивает в сторону бара. – А теперь налейте-ка нам с Сеймуром еще по бокальчику.

Его слова видимо обращены к нам обеим, и мы с Мирой синхронно поднимаемся и шагаем к бару.

– Подай стакан, пожалуйста, – она кивает на хрусталь на подносе, и я тянусь к нему и цепляю, но тот выскальзывает из моих рук и стрелой летит вниз. Ударяется о паркет и рассыпается на миллион осколков. Охаю, взволнованно присаживаюсь на корточки, торопясь поскорее убрать за собой.

Мужчины, слыша шум, покидают свои места и оказываются над нами.

– Ай! – вздрагиваю, когда коснувшись острой грани разбитого стакана укальваю руку. Ранка небольшая, но из нее уже начинает сочиться кровь, и я машинально тяну палец к губам и осушаю.

– Я поищу аптечку... – Мира, извиняясь, встает с места,

но замирает на полуслове, когда тяжелый бас ее опережает.

– Я разберусь, – Сеймур повелительно произносит и, крепко подхватив меня под локоть, заставляет выпрямиться. Его небрежный жест кажется вполне обычным, но от прикосновения горячих пальцев к моей коже, со мной творится что-то невообразимое. Кожа начинает пылать, платье липнет к телу, мне хочется поерзать, избавиться от этого ощущения. Брюнет тянет меня прочь, и я переступив осколки позволяю ему увлечь себя к дверям кабинета. И я даже не успеваю бросить последний прощальный взгляд на Миру, как оказываюсь в широком коридоре, откуда совсем недавно пришла. К нам тут же подходит охранник из тех, что окружали Сеймура, когда он только приехал, и мой спутник отдает ему приказ. –

– Раздобудь аптечку. Я буду в бильярдной.

Тот кивает, торопливо отходит, а я как кукла-марионетка покорно иду за хозяином, которому меня только что вручили, и едва успеваю сориентироваться.

Звуки вокруг кажутся неприятно визжащими. Режущими слух. Свет слепит глаза, хочется зажмуриться. Колени вдруг становятся ватными, ноги заплетаются, и я едва не падаю. Я выпила всего бокал, и не могла захмелеть с него. Значит, в гребаной выпивке что-то было. Зачем только пила, знала ведь, что это губит людей!

Сеймур вовремя меня подхватывает и цедя проклятия сквозь стиснутые зубы заволакивает в какой-то небольшой

зал, обставленный как и кабинет самодура.

На стенах панели из красного дерева, по центру несколько столов для бильярда, обтянутых зеленым сукном, над ними лампы.

Меня грубо подталкивают к одному из столов, я ударяюсь о него бедром и охаю, потирая место ушиба. Громовой раскат низкого голоса заставляет меня вздрогнуть, и я теряю дар речи от вопроса, который вспарывает тишину.

– Сколько он тебе заплатил?

Глава 6

Его вопрос настолько абсурдный, что вместо ответа я лишь распахиваю глаза шире и смотрю на агрессора.

– Сколько пластических операций пришлось сделать, чтобы добиться такого сходства? – еще один абсурд, и я хмурю брови, искренне не понимая, о чем он. А Сеймур все сильнее злится. – Отвечай!

Подходит в своей манере, подавляет как огромный скалистый выступ, и я съеживаюсь под ним. Брюнет грубо берет меня за подбородок, обхватывая пальцами низ моего лица и запрокидывает мою голову, изучая шею и линию роста волос. Он очевидно ищет шрамы от операций. Но я никогда в жизни их не делала.

– Мне больно... – зажмуриваюсь, он отталкивается и отступает, не отрывая взгляда от моего лица. Я смотрю на этого мечущего грома и молнии зверя, и по телу проходит дрожь. Он же может свернуть мне шею одной рукой, а рядом с ним я ничтожно слаба. Но он мой единственный шанс выбраться отсюда. – Я не делала операций.

Говорю спокойно и ровно, чтобы подчеркнуть, что я не лгу. Чувствую, как влага с пальца капает на пол, машинально тяну пораненное место к губам и осушаю вновь.

Взгляд опасных черных глаз опускается на мой рот.

В кабинет стучат. Сеймур резко разворачивается и в се-

кунду оказывается у двери. Открывает, забирает из рук охраны аптечку и вновь захлопывает. А потом оборачивается ко мне и швыряет коробочку с красным крестом на зеленое сукно бильярдного стола.

– Вы мне не верите? – спрашиваю, подавляя панику. Если он не захочет меня забирать, я так и останусь тут. Горло сдавливает поганая безысходность. Меня лихорадит. Я физически ощущаю, как откуда-то изнутри нарастает дрожь, и пальцы ощутимо ей поддаются. – Я не лгу, я тут не при чем...

– Тогда ответь, где он нашел тебя? Где взял точную копию моей... – его голос обрывается, Сеймур зарывается пятерней в волосы на макушке и отворачивается. Его широкие плечи застывают как изваяние. Одной рукой он опирается на бильярдный стол, второй терзает голову. А я понимаю, что теряю драгоценное время. Как мне обернуть ситуацию в свою пользу? Как?

– Меня похитили из клуба, – решаюсь сказать правду. – Что-то подсыпали в коктейль и... Потом я очнулась здесь.

Сеймур не оборачивается, но по его замершей позе я понимаю, он слышит.

Цедит проклятья и оборачивается, впиваясь взором в мое лицо.

А я в страхе застываю перед ним, позабыв об аптечке.

– Прекрати это делать! – срывается на меня, и я снова не понимаю, о чем он. Недоуменно веду подбородком. – Прекрати сосать чертов палец!

Я резко отдергиваю порез от рта и замечаю, что на коже тут же собирается крупная капля крови. Он тоже это видит. Берет аптечку, со стуком открывает, нашаривает внутри пластыри и швыряет мне. Он вообще приучен все швырять. И мне кажется, что попади я под руку, он швырнул бы и меня.

– Спасибо... – сдавленно произношу, пытаюсь распечатать упаковку, но одной рукой сделать это не получается. Я сосредоточенно проваливаю попытку.

– Дай сюда! – он решает помочь, но делает это так, что мне хочется удавиться. Высокомерно рвет коробочку и вынимает пластырь. Дергает меня за запястье, вынуждая подойти ближе. Одним ловким движением оборачивает палец лейкопластырем. Я смотрю на заклеенную рану и жду, что он отступит. Но Сеймур продолжает стоять надо мной, будто в кино кто-то поставил паузу, и мы не двигаемся. – Передай, Герману, что я не приму его подарок.

Вдруг бесстрастно выдает и мой мир на глазах рушится. План, как картонный домик под порывом ветра рассыпается, и я судорожно придумываю, как это исправить. Сеймур разворачивается и делает шаг к выходу, но я цепляюсь за его руку, не давая уйти.

Такой жест вводит в ступор его и меня. Я никогда не позволяла себе быть навязчивой и тем более с мужчинами. Тем более с теми, кто меня пугает. Но сейчас лишь сжимаю его запястье крепче, умоляя его задержаться еще на секунду.

Сеймур же хмурится, красноречиво смотрит на мои паль-

цы на своем запястье, давая понять, чтобы отпустила.

Но я лишь отклеиваюсь от бильярдного стола и обхожу бронею, преграждая ему путь. Набираюсь храбрости и поднимаю взгляд к его глазам, чтобы понять его реакцию.

– Герман подарил вам не меня. Он... Я... Я девственница. И вы вправе стать моим первым.

По моему телу проходит разряд тока, когда в глубине черных глаз что-то меняется. И я понимаю, что задела верную струну. Продолжаю.

– Вам не обязательно нести ответственность за мою жизнь, вы можете получить свой подарок и вернуть меня в поместье после. Я обещаю не доставлять хлопот.

Не выдерживаю эту молчаливую дуэль.

Опускаю глаза, стараясь подавить новый приступ отчаянья. Сеймур не отвечает, и я опускаю руку, больше не удерживая его запястье. Мне становится дурно, физически дурно, мир куда-то катится, предательские колени подгибаются, и я инстинктивно хватаюсь за предоставленную опору – сильную руку, которая обвивает мою талию, не давая мне упасть.

– Простите, мне не хорошо... – извиняюсь, хотя и понимаю, что это скорее выглядит, как попытка надавить на жалость. Пытаюсь зажмуриться, абстрагироваться от яркого света в бильярдной, но мое лицо запрокидывают, и веки грубо разводят пальцами.

– Ты и правда не заметила, что он что-то тебе подсыпал? –

Сеймур хмуро произносит, изучая зрачки, а потом озабоченно поворачивается к дверям, повышая голос. – Арам!

В кабинет тут же влетает его охранник, которому меня как куклу передают.

– Отведи ее в машину. Охраняй до моего прихода.

Короткий кивок, и меня увлекают за дверь бильярдной, я покорно переставляю ноги, а в отдалении маячит мысль.

Он все же согласился спасти меня из этого ада?

Глава 7

Дверь черной машины за мной захлопывается, и я оказываюсь в пустом салоне одна. Темнота поглощает, будто я спустилась в подземелье, и даже приглушенный тонировкой свет фонарей не особо спасает. И живительная для моих глаз тьма так приятна, что я блаженно выдыхаю.

А потом до сознания доходит, что веду себя ненормально. И этот стон, сорвавшийся с губ – тому доказательство.

Откидываюсь на спинку кресла, спина гнется. Мне хочется поерзать на сиденье, хочется унять этот зуд, идущий изнутри. Машинально тяну руки к шее, впиваюсь пальцами в кожу, скольжу ладонями ниже. Грудь распирает от нового, непривычного чувства, хочется порвать на себе платье и заодно кожу. Ткань непривычно натирает чувствительные вершинки.

Опускаюсь ладонями ниже, сминая талию, платье впивается миллионами камешков в кожу. Подол скользит по ногам, я собираю его на бедрах, и тут же в смятении отдергиваю руки.

Да что на меня нашло?

Ощущение такое, будто остатки разума пытаются меня отрезвить, но сознание куда-то уплывает, прихватив с собой мою адекватность.

Насильно прижимаю руки к сиденью, не давая больше

скользить по телу.

Дыхание учащается с каждой минутой. Грудь ходуном ходит. Я не выдерживаю долго. Сжимаю обивку из кожи ногтями только бы не дать рукам жить своей жизнью.

Дверь резко открывается и на сиденье рядом со мной опускается Сеймур.

Водительское оккупирует тот самый Арам.

Они без слов занимают свои места, и машина трогает, огибая подъездную дорожку. Я закусываю губу до боли, отворачиваюсь к окну. Мне становится жарко, но я никак себя не выдаю, хотя самоконтроль трещит по швам.

Ерзаю на сиденье снова. Кладу ногу на ногу, преодолевая непривычный жар между бедер. Снова ерзаю.

– Прекрати! – Сеймур срывается на меня, я поворачиваюсь к нему резко и с трудом подавляю желание надерзить в ответ. Вместо этого залипаю на его губы, с запозданием понимая, что недооценила внешность этого зверя.

Там в кабинете я паниковала и едва ли могла оценить его по достоинству. А потом в бильярдном зале мои мысли были заняты тем, как заставить его меня увезти. И вот сейчас, когда миссия выполнена, я понимаю, что эта сволочь по-настоящему красив.

Сеймур очень видный и броский мужчина. Его внешность мало напоминает внешность слащавых красавчиков, он скорее из разряда грубиянов, неприступных и холодных отшельников, лица которых будто вылеплял скульптор, желая

ющий подчеркнуть саму стихию.

Он не водная гладь – он шторм. Он не горный массив – он извержение вулкана. Он не синее небо в летний дождь, он сам гром и молния. И его черты прямые и ровные все равно кажутся какими-то грубоватыми и неотесанными. Не доведенными до совершенства. Не вылизанными скульптором, а брошенными на полпути, хранящими в себе легкую небрежность.

И сейчас я смотрю на его губы и понимаю, что этот пренебрежительный их изгиб очень идет негодяю. И я облизываю свои.

– У вас есть вода? – хрипло произношу, Сеймур вынимает откуда-то воду в стекле и протягивает мне, предварительно отвинтив крышку. Я благодарно прикладываюсь к бутылке, и жадно пью, ощущая непривычную чувствительность на губах. Прохладное горлышко ласково ложится на них и дарит такую желанную сейчас влагу. Мне не хочется прекращать, но из-за дрожи в пальцах я неловко проливаю драгоценные капли на подбородок. Они стекают вниз, минуя шею, ключицу, умирают в ложбинке на груди.

Спыхватываюсь, краснею, протягиваю бутылку Сеймуру и ловлю его жадный взгляд на себе. И мое дыхание сбивается. Он обхватывает мое запястье, отнимает бутылку, но вместо того, чтобы отпустить руку, перетягивает меня с сиденья к себе на колени и собственнически прижимает.

И не давая больше опомниться, давит на мой затылок,

притягивая к себе мои губы.

Его поцелуй настойчивый и такой же грубый, как и его хозяин. Он не допускает даже капли нежности, не позволяет себе и секунды промедления. Просто таранит мой рот, клеймит его своими прикосновениями и заставляет забыть обо всем. И я уже не помню, что сижу в чужой машине, несущейся куда-то в ночь. Не помню, что спасаюсь от тирана, калечащего чужие судьбы. Не помню, что собираюсь бежать.

В голове настойчиво бьют молоточки, фокусируя мои мысли на одной – я не хочу, чтобы он прерывал поцелуй.

Наши языки сталкиваются в схватке, от этого прикосновения мое тело от макушки до пят пронзает будто молнией. Легкие наполняются жаром. Жаром того самого огня, что испепелил мои крылья накануне. Жаром тех ладоней, что сейчас заставляют меня приподняться и оседлать мощные бедра Сеймура. Тех самых рук, что властно комкают платье, настойчиво забираясь под него. И я даже не замечаю, как куда-то соскальзывают бретели, как они цепляются за мои предплечья, извиваясь на них беспокойными змеями.

Как жесткие губы оставляют в покое мой рот и в точности повторяют путь тех самых капель воды, осушая кожу как солнце влажный песок.

Мое сердце камнем бухает в груди.

С губ один за другим срываются стоны, я жадно стискиваю широкие плечи, скольжу пальцами выше, зарываюсь в темную шевелюру этого неприступного зверя, пропускаю гру-

бый шелк его волос сквозь них. Выгибаюсь в такт его ласкам. Чувствую твердость его намерений, и это как теплый мед обволакивает кожу мурашками. Я смогла заставить его потерять над собой контроль! Но и он лишил меня рассудка.

Ерзаю на нем, упираюсь в его каменную плоть, тело пронзает волной удовольствия. Сеймур рычит, мое платье трещит в его грубых руках, меня колотит крупной дрожью. Еще! Повторяю неопытную ласку, как на волне качаю бедрами, снова и снова дразня его и себя этим прикосновением. Влажную от капелек пота грудь холодит атмосфера вокруг. Сеймур, настойчиво притягивает меня за талию ближе. Вплотную. Вжимает в себя, врзает в себя, будто собирается слиться со мной даже сквозь слои нашей одежды. И последнее его прикосновение срывает планку.

Обессиленно обрушиваюсь ему на грудь. Утыкаюсь носом в мужскую шею, пахнущую терпким океаном, и с губ срывается шелестящий стон. Смокинг царапает нежную кожу, и я чувствую как мужские пальцы настойчиво тянут змеи-бретельки на мои плечи, возвращая все на круги своя.

А я все еще не могу прийти в себя.

– Что это было? – необдуманно произношу, и тут же позорно замолкаю. Слышу глухой ответ, который вовсе не ответ.

– Ты действительно не догадываешься, что?

Глава 8

Мой ум проясняется, и произошедшее только что, как рухнувший под тонкий лед камень, шокирует, и разбивает привычность происходящего. Застываю на Сеймуре и напряженно выпрямляюсь, все еще не веря, что я сама без каких-либо угроз перебралась на колени к совершенно незнакомому мужчине. И вела себя как продажная шлюха.

– Такого больше не повторится, – говорю, то ли извиняясь, то ли успокаивая себя. Перебираюсь на свое место, отворачиваюсь к окну, стараюсь выровнять дыхание. Видимо меня и вправду опоили, потому что в трезвом уме я никогда не решилась бы делать то, что делала. И никогда не разрешила бы себе тереться о чужого мужчину, позволять ему то, что позволила...

– Твои слова идут в разрез с обещаниями, – Сеймур произносит ровно, и я поворачиваюсь не в силах понять, ирония ли это была, или же он и вправду серьезен, каким кажется. Сложно прочесть его мысли за каменной маской, сделавшей черты его лица непроницаемыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.